

ИССЛЕДОВАНИЯ И СТАТЬИ

БИБЛЕИСТИКА

ФЕНОМЕН ЕВАНГЕЛЬСКОГО ЧУДА

В БИБЛЕЙСКОЙ НАУКЕ XX–XXI вв.:
ОТ ИСТОРИКО-КРИТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА
К БОГОСЛОВСКОЙ ГЕРМЕНЕВТИКЕ

Священник Александр Кобзев

соискатель аспирантуры СПбДА
191167, г. Санкт-Петербург, наб. Обводного канала, д. 17
старший преподаватель кафедры библейских и богословских
дисциплин Донской духовной семинарии
344033, г. Ростов-на-Дону, ул. Всесоюзная, д. 196
akobzev@inbox.ru
<https://orcid.org/0009-0007-6796-5498>

Для цитирования: Кобзев А., *свящ.* Феномен евангельского чуда в библейской науке XX–XXI вв.: от историко-критического анализа к богословской герменевтике // Богословский вестник. 2026. № 2 (61). С. 18–38. DOI: 10.31802/GB.2026.61.2.001

Аннотация

УДК 27-278

В статье исследуется, как развивалось понимание феномена чуда в библейской науке XX–XXI вв.: от историко-критических интерпретаций к богословской герменевтике. Цель работы — выявить основные этапы и направления в осмыслении евангельских чудес в контексте развития библеистики и богословской мысли, а также в определении их значения для современного христианского богословия. Методологическую основу исследования образуют историко-критический, сравнительно-литературный и герменевтический методы, а также системный анализ трудов представителей различных исследовательских направлений: от школы истории религий и формальной критики до нарративной и постструктуралистской экзегезы. Особое внимание уделяется интерпретациям М. Хенгеля,

Э.Ива и Г. Тайсена, в трудах которых предложен синтез исторического и богословского подходов к пониманию чудесных повествований. В результате проведённого анализа показано, что в современной библейской науке понятие чуда прошло путь от натуралистических и мифологических объяснений к богословскому осмыслению чуда как знамения (σημεῖον) присутствия Бога в истории. Чудо перестаёт пониматься исключительно как нарушение природного порядка и интерпретируется как форма откровения и свидетельство действия Божественной силы, раскрывающей сотериологический и экзистенциальный смысл христианской веры. Научная значимость исследования заключается в выявлении возможности продуктивного диалога между библейской критикой и богословием, в рамках которого чудо осмысливается не как предмет конфликта между наукой и верой, а как богословский язык, выражающий присутствие Бога и динамику Царства Божия в истории.

Ключевые слова: чудо, библеистика XX–XXI вв., историко-критический метод, формальная критика, демифологизация, богословская герменевтика, Мартин Хенгель, Эрик Ив, Герд Тайсен, религиозная философия; Царство Божие.

Статья поступила в редакцию 3.12.2025; одобрена после рецензирования 16.1.2026

The Phenomenon of the Gospel Miracle in 20th–21st Century Biblical Science: From Historical-Critical Analysis to Theological Hermeneutics

Priest Alexander Kobzev

postgraduate applicant at St. Petersburg Theological Academy
17 Obvodny Kanal Embankment, St. Petersburg 191167, Russian Federation
Senior Lecturer at the Department of Biblical and Theological Disciplines, Don Theological Seminary
196 Vsesoyuznaya st., Rostov-on-Don 344033, Russian Federation
akobzev@inbox.ru
ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-6796-5498>

For citation: Kobzev, Alexander, priest. “The Phenomenon of the Gospel Miracle in 20th–21st Century Biblical Science: From Historical-Critical Analysis to Theological Hermeneutics”. *Theological Herald*, no. 2 (61), 2026, pp. 18–38 (in Russian). DOI: 10.31802/GB.2026.61.2.001

Abstract. The article explores the evolution of the understanding of the miracle phenomenon in 20th–21st century biblical studies, tracing the transition from historical-critical

interpretations to theological hermeneutics. The study aims to identify the main stages and directions in the conceptualization of Gospel miracles within the context of developing biblical scholarship and theological thought, as well as to determine their significance for contemporary Christian theology. The methodological framework comprises historical-critical, comparative-literary, and hermeneutical methods, alongside a systematic analysis of works by representatives of various research schools—ranging from the history of religions school and form criticism to narrative and post-structuralist exegesis. Particular attention is paid to the interpretations of M. Hengel, E. Eve, and G. Theissen, whose works propose a synthesis of historical and theological approaches to understanding miracle narratives. The analysis demonstrates that in modern biblical science, the concept of a miracle has evolved from naturalistic and mythological explanations toward a theological understanding of the miracle as a sign (σημεῖον) of God's presence in history. A miracle is no longer understood solely as a violation of the natural order but is interpreted as a form of revelation and a testimony to the action of Divine power, revealing the soteriological and existential meaning of the Christian faith. The scholarly significance of the study lies in identifying the potential for a productive dialogue between biblical criticism and theology, wherein the miracle is conceptualized not as a subject of conflict between science and faith, but as a theological language expressing the presence of God and the dynamics of the Kingdom of God in history.

Keywords: miracle, 20th–21st century biblical studies, historical-critical method, form criticism, demythologization, theological hermeneutics, Martin Hengel, Eric Eve, Gerd Theissen, religious philosophy, Kingdom of God.

The article was submitted on 12/3/2025; approved after reviewing on 1/16/2026

Введение

Феномен чуда занимает центральное место в библейском откровении и христианском богословии, выступая как особая форма Божественного действия в истории и как способ явления Царства Божия. В Священном Писании чудо не является самоцелью или внешним доказательством силы, но служит знамением (*греч.* σημεῖον), раскрывающим смысл спасительного домостроительства и обращённым к вере человека. В новозаветных текстах чудеса Иисуса Христа и апостольской Церкви не только сопровождают проповедь, но и структурно включены в откровение о личности Христа, Его мессианском достоинстве и наступлении эсхатологической реальности Царства Божия.

В отечественной библеистике и православной богословской традиции чудо определяется не как произвольное нарушение природных законов, но как свободное и личностное действие Бога, Который, оставаясь Творцом миропорядка, властно действует в нём по Своей спасительной воле. Как отмечает С. С. Аверинцев, теистическое понимание чуда предполагает само существование «чина естества» и раскрывает не отмену природы, а превосходство Божественной воли над ней, при котором чудо становится зримым свидетельством власти Творца над творением. В этом же ключе библейское чудо осмысливается как особое проявление Божественного Промысла, выходящее за пределы обычного хода вещей и имеющее как духовно-нравственный смысл, так и смысл откровения¹.

Важное уточнение данного подхода содержится в богословской позиции митрополита Илариона (Алфеева), который подчёркивает, что отрицание историчности евангельских чудес ведёт не к очищению образа Иисуса от «мифологических наслоений», а к разрушению самого евангельского свидетельства. «Иисус без чудес», по его справедливому замечанию, представляет собой искусственный научный конструкт, не соответствующий ни структуре евангельских повествований, ни вере ранней Церкви. Исключение чудес из евангельского нарратива лишает Евангелие статуса «благой вести», поскольку из него изымается сама динамика спасительного действия Бога в истории, кульминацией которого является чудо Воскресения Христова как основание христианской веры².

1 Аверинцев С. С. Собрание сочинений / ред. Н. П. Аверинцевой, К. Б. Сигова. София-Логос. Словарь. Киев, 2006. С. 498, s.v. «ЧУДО».

2 Иларион (Алфеев), митр. «Демифологизация» новозаветной науки // Православие.Ru: [сайт]. 2016. URL: <https://pravoslavie.ru/97428.htm>

Принципиальное отличие библейского чуда от языческого состоит в том, что библейское чудо носит теоцентрический характер откровения. Если в языческих религиозных системах чудесное чаще всего связано с магическим эффектом, личной силой чудотворца или техникой воздействия на сверхъестественные силы, то в библейской традиции чудо всегда инициируется Богом и совершается не как демонстрация могущества, а как свидетельство Его милости и спасительной воли. Чудотворец в библейском понимании выступает не источником силы, но смиренным орудием Божественного действия; личность его вторична по отношению к самому акту откровения. Даже там, где чудо поражает воображение, оно не доказывает истину, но удостоверяет уже явленное слово Божие и предполагает отклик веры, без которого чудесное действие теряет свой спасительный смысл³.

Однако в библейской науке XX–XXI вв. отношение к феномену чуда претерпело существенную трансформацию. Развитие историко-критического метода, формальной и редакционной критики, а также программа демифологизации привели к радикальному пересмотру традиционного понимания чудесных повествований. Чудо всё чаще рассматривалось не как реальное действие Бога в истории, а как мифологическая, символическая или керигматическая форма выражения веры раннехристианской общины. В результате возникло напряжение между научной экзегезой, ориентированной на реконструкцию происхождения текста и его литературных форм, и богословским восприятием чуда как события откровения, имеющего онтологическое и сoterиологическое значение.

Цель настоящего исследования состоит в том, чтобы проследить динамику и ключевые векторы развития интерпретации феномена чуда в западной и отечественной новозаветной библеистике XX–XXI веков. В работе решается задача выявления основных исторических этапов, а также критического анализа методологических подходов — от классического рационализма и программы демифологизации до современных стратегий историко-литературного синтеза.

Особое внимание в данном контексте уделяется умеренным и неоклассическим направлениям современной библейской науки. В рамках этих подходов феномен чуда концептуализируется не как механическое нарушение природного порядка и не как сугубо мифологическая конструкция, подлежащая устранению, но как телеологическое «знание» (греч. «σημείον») Царства Божия. Таким образом, евангельское

3 Мень А., *прот.* Библиологический словарь. Т. 3. Москва, 2002. С. 402, «ЧУДЕСА БИБЛЕЙСКИЕ».

чудо осмысливается как специфическая форма божественного откровения, которая не принуждает к очевидности, а апеллирует к вере, личной ответственности и глубинному экзистенциальному выбору человека.

1. Феномен чуда в новозаветной библейской науке первой половины XX в.: от историко-критического анализа к богословской герменевтике

Переход к систематическому научному осмыслению евангельских чудес в конце XIX — начале XX в. был обусловлен общим сдвигом библеистики в сторону историко-религиозного и сравнительного анализа. На этом этапе решающее значение приобрело расширение исследовательского горизонта за пределы собственно библейского текста прежде всего за счёт привлечения религиозно-философского контекста эллинистического мира, включая гностицизм, мистериальные культы и разнообразие формы религиозного синкретизма поздней Античности. В рамках складывающейся «школы истории религий» евангельские чудеса стали рассматриваться не как уникальные и изолированные акты сверхъестественного вмешательства, но как феномены, укоренённые в универсальных мифологических и ритуальных структурах религиозного сознания эпохи. Особенно это касалось чудес Иисуса Христа, которые всё чаще сопоставлялись с аналогичными повествованиями древневосточных и греко-римских традиций.

Следующий этап в развитии новозаветной науки связан с формированием и институционализацией метода формальной критики (*нем.* Formgeschichte, «метод анализа форм»)⁴, который получил широкое распространение в первые десятилетия XX в. В отличие от более раннего сравнительно-религиозного подхода, данный метод был ориентирован не столько на поиск внешних параллелей, сколько на анализ внутренних литературных форм и их функций в жизни раннехристианских общин. Чудесные рассказы, наряду с притчами, апофтегмами

4 Метод анализа истории форм — это направление библейской критики, исследующее происхождение, устную передачу и литературные формы отдельных единиц текста (легенд, притч, изречений, рассказов о чудесах и др.) до их включения в канонические книги. Его цель — выявить первоначальный жанр и жизненную среду, в которой возникла каждая форма, а также проследить, как она была преобразована в ходе традиции. Метод был разработан в немецкой библеистике начала XX в. и стал важнейшим инструментом историко-критического анализа Библии, позволяющим рассматривать её тексты как продукты живой религиозной и общественной практики древнего Израиля и ранней Церкви.

и полемическими сценами, стали пониматься как устойчивые повествовательные единицы, возникшие в конкретных «жизненных ситуациях» (нем. «Sitz im Leben») церковной проповеди, катехизации и богослужения⁵. В результате историческая достоверность евангельских чудес была поставлена под вопрос: исцеления, изгнания демонов, воскрешения умерших и чудеса над природой интерпретировались преимущественно как теологически мотивированные формы предания, оформившиеся в контексте веры и миссии Церкви, а не как документальные отчёты о событиях земной жизни Иисуса.

Ключевой вехой этого этапа стала богословская рефлексия 1930-х годов, когда в рамках библейской критики и демифологизации произошло радикальное переосмысление новозаветного нарратива. В 1941 г. был опубликован труд по богословию Нового Завета, оказавший значительное влияние на дальнейшее развитие историко-богословской мысли⁶. В центре внимания исследователей этого периода оказался вопрос о подлинности и значении чудес Иисуса Христа. Ответ на него рассматривался как один из решающих критериев для реконструкции исторического Иисуса и для понимания природы евангельского свидетельства. Именно в это время метод анализа истории форм достиг своей зрелости и стал доминирующим инструментом критического исследования евангельских традиций.

Применение формальной критики позволило провести различие между отдельными слоями предания о чудесах. К наиболее раннему пласту исследователи относили рассказы об исцелениях и изгнаниях бесов, которые по структуре и богословскому содержанию считались наиболее близкими к историческому служению Иисуса. Эти повествования рассматривались как восходящие к апостольскому свидетельству и отражающие опыт непосредственного соприкосновения с силой и состраданием Христа, хотя и подвергшиеся литературной обработке в процессе передачи. Более поздний слой традиции, по мнению представителей истории форм, сформировался уже в послепасхальный период и отражал осмысление земной жизни Иисуса в свете Его Крестной смерти и Воскресения. К нему относили так называемые мессианские, или теофанические, рассказы — предание о Крещении Иисуса, сцену Преображения, хождение по водам, умножение хлебов, — в которых

5 Rogerson J. Post-Enlightenment Criticism // Dictionary of Biblical Criticism and Interpretation / ed. S. E. Porter. London; New York (N.Y.), 2007. P. 284.

6 См.: Stauffer E. Die Theologie des Neuen Testaments. Gütersloh, 1941.

акцент смещается от конкретного события к раскрытию божественного достоинства и власти Христа⁷.

Систематизация форм и их функций стала одним из главных достижений данного метода⁸. Разграничение между литературной рамкой евангельского текста и отдельными устными единицами позволило, с точки зрения исследователей, выявить вклад раннехристианских общин и редакторскую работу евангелистов. Особое значение приобрела классификация форм по их назначению: проповеднические, катехизические, полемические и литургические тексты рассматривались как продукты конкретных пастырских и миссионерских потребностей. В этом контексте краткие рассказы о чудесах нередко интерпретировались как особый тип религиозных «легенд», характерных для античного мира⁹, но отличающихся выраженной христологической направленностью, в которых центр внимания смещён с прославления героя на свидетельство о действии Бога¹⁰.

Радикализация данного подхода получила выражение в программе «демифологизации», согласно которой чудо как таковое не может служить критерием историчности, поскольку принадлежит мифологической картине мира. Задачей экзегезы объявлялось не восстановление сверхъестественного события, а раскрытие его экзистенциального смысла для современного человека¹¹. До середины XX в. подобные выводы вызывали сдержанную реакцию в англоязычной библеистике, где указывали на опасность разрушить целостность евангельского повествования. Однако постепенно и здесь усилился интерес к критическому пересмотру традиционных представлений о чудесах.

Особое значение для дальнейшего развития новозаветной герменевтики имели исследования притч и проповеди Иисуса¹², в рам-

7 Blomberg C.L. The Miracles as Parables // Gospel Perspectives. Vol. 6: The Miracles of Jesus / ed. D. Wenham, C. Blomberg. Sheffield, 1986. P. 327–328.

8 См.: Gunkel H. Die Sagen der Genesis. Göttingen, 1901; Schmidt K.L. Der Rahmen der Geschichte Jesu: Literarkritische Untersuchungen zur ältesten Jesusüberlieferung. Berlin, 1919; Dibelius M. Die Formgeschichte des Evangeliums. Tübingen, 1919; Bultmann R. Die Geschichte der synoptischen Tradition. Göttingen, 1921.

9 См.: Dibelius M. Die Formgeschichte des Evangeliums. Tübingen, 1919. S. 70–71.

10 См.: Cotter W. Miracles in Greco-Roman Antiquity: A Sourcebook for the Study of New Testament Miracle Stories. London; New York (N.Y.), 1999. 284 p.

11 См.: Bultmann R. Neues Testament und Mythologie: das Problem der Entmythologisierung der neutestamentlichen Verkündigung. München, 1988. S. 44–51.

12 См.: Jülicher A. Die Gleichnisreden Jesu. Tübingen, 1888–1889. Bd. 1–2; Dodd C.H. The Parables of the Kingdom. London, 1935.

ках которых была сформулирована концепция «реализованной эсхатологии». Согласно этому подходу, Царство Божие не только ожидается в будущем, но уже присутствует в земном служении Иисуса, а Его чудеса — прежде всего исцеления и изгнания демонов — понимаются как σημεῖα [si'mi.a], то есть знамения наступившей новой реальности. В таком истолковании чудо перестаёт быть исключением из естественного порядка и приобретает характер богословского свидетельства о начале эсхатологического обновления мира¹³.

Таким образом, в новозаветной библейской науке первой половины XX в. понятие чуда претерпело последовательное развитие: от восприятия его как сверхъестественного события — через историко-критическую редукцию и символизацию — к герменевтическому осмыслению как богословски насыщенного знака. Чудеса всё чаще интерпретировались не как изолированные акты вмешательства, но как формы выражения веры ранней Церкви и как свидетельства присутствия Царства Божия в истории, значение которых, с точки зрения критической библеистики, не зависит от их буквальной историчности.

2. Современные подходы к библейским чудесам во второй половине XX — начале XXI в.

Данный период характеризуется переходом от классической историко-критической парадигмы к междисциплинарным моделям, акцентирующим социальные, политические, этические, гендерные и нарративные измерения текста. Теология освобождения, оформившаяся благодаря труду Густаво Гутьерреса¹⁴, предложила рассматривать чудеса не как исключения из природных законов, а как конкретные акты Божьего вмешательства в историю угнетённых: евангельские исцеления трактуются как знамения Царства, восстанавливающие достоинство маргинализированных. В этом контексте чудо становится политико-этическим событием, побуждающим к действию и выражающим Божию солидарность с бедными. Феминистская библеистика внесла собственный вклад, переосмыслив чудеса как акты восстановления телесной и социальной целостности женщин (воскрешение дочери Иаира, вдовы из Наина и др.), в то время как радикальные феминистские подходы

13 Dodd C.H. The Parables of the Kingdom. London, 1935. P. 35–38, 47–52.

14 См.: Gutiérrez G. A Theology of Liberation: History, Politics, and Salvation. Maryknoll (N.Y.), 1973. 284 p.

подвергли их критике как патриархальных нарративов, превращающих женское тело в арену мужского контроля, что вызвало необходимость уважительного богословского диалога с еврейской традицией¹⁵. С конца 1970-х годов в библеистике распространились постструктуралистские методы, вдохновлённые идеями Ж. Деррида, Ю. Кристевой, М. Фуко и Э. Левинаса¹⁶, в рамках которых чудеса осмысливаются как нарративные стратегии, порождающие смысл, а не как описания объективных событий: здесь проклятие смоковницы или превращение воды в вино — это метафорические конструкции, раскрывающие богословскую динамику текста. Фукоянская аналитика власти позволила рассматривать чудо как инструмент формирования дисциплинарной идентичности и властных отношений в раннехристианских общинах¹⁷, а у Э. Левинаса чудесное предстало в качестве этического вызова, исходящего от Другого — того, кто исцеляется и включается в сообщество Царства¹⁸. Под влиянием категорий *différance* (фр. различие), следа и интертекстуальности чудо в постструктуралистской парадигме утрачивает онтологическую определённую, превращаясь в «место смыслов» и текстуальную энергию, возникающую в акте чтения. Современная археология и историческая критика, в свою очередь, поставили под сомнение хронологическую и фактическую достоверность многих новозаветных чудес, что привело к усилению интереса к их богословской функции, а не к верификации факта. В центре внимания исследователей теперь оказывается не само событие, а его герменевтическое значение для верующего сознания. При этом такие исследователи, как О. Кайзер, Р. Рендторфф, У. Бруггеман и Н. Т. Райт, продолжают утверждать: чудо — это важнейший

- 15 См.: *Schüssler F.E.* In Memory of Her: A Feminist Theological Reconstruction of Christian Origins. New York (N.Y.), 1995; *Schüssler F.E.* Feminist Biblical Studies in the Twentieth Century: Scholarship and Movement. Leiden; Boston, 2014; *Fuchs E.* Sexual Politics in the Biblical Narrative: Reading the Hebrew Bible as a Woman. Sheffield, 2000; *Levine A.-J.* (ed.). Feminist Companions to the New Testament and Early Christian Writings. Vol. 13: Women and the Miracle-Stories of Jesus. London; New York (N. Y.), 2000; *Plaskow J.* Standing Again at Sinai: Judaism from a Feminist Perspective. San Francisco (Calif.), 1991.
- 16 См.: *Derrida J.* De la grammatologie. Paris, 1967; *Kristeva J.* La révolution du langage poétique: L'avant-garde à la fin du XIXe siècle. Lautréamont et Mallarmé. Paris, 1974; *Foucault M.* L'archéologie du savoir. Paris, 1969; *Levinas E.* Totalité et infini: Essai sur l'extériorité. La Haye, 1961.
- 17 См.: *Stefan P. G.* The Power of Resurrection: Foucault, Discipline, and Early Christian Resistance. Lanham (Md.); New York (N.Y.), 2019.
- 18 *Levinas E.* Totality and Infinity: An Essay on Exteriority. Pittsburgh (Pa.), 1969. P. 115–118.

богословский ресурс, не подлежащий рациональному объяснению, но обращённый к вере, надежде и ответственности¹⁹.

Таким образом, в современной библейской критике чудо утрачивает статус внешнего сверхъестественного доказательства, но сохраняет значение этического и герменевтического знака Божьего присутствия: оно является не нарушением природы, а откровением смысла, призывающим человека к внутреннему преображению.

3. Интерпретация новозаветных чудес в умеренных направлениях библеистики XX–XXI в.

3.1. Мартин Хенгель

Мартин Хенгель в своём фундаментальном труде «Чудеса и рассказы о чудесах в Новом Завете» предлагает глубокий историко-богословский анализ феномена чуда в христианской традиции, помещая новозаветные повествования в контекст религиозной и философской культуры эллинистического мира²⁰. Он показывает, что в эпоху раннего христианства чудеса составляли неотъемлемую часть духовного ландшафта Средиземноморья: в эллинистической среде θαῦμα («чудо») связывалось с проявлением сверхъестественной силы философов, магов, врачей и прорицателей. Христианская традиция, по М. Хенгелю, не отрицает феноменологического сходства с языческими формами чуда, но радикально переосмысливает его природу: чудо перестаёт быть актом самопрославления чудотворца и становится свидетельством воли и присутствия Бога. Важнейший термин δύναμις («сила, проявление Божественной мощи»), широко употребляемый в синоптических Евангелиях (см.: Мф. 11, 20; Мк. 6, 2; Лк. 4, 14), обозначает не магическую способность, а действие Бога через Иисуса Христа — знамение приближения Царства Божия. Этот термин восходит к стоическому понятию δύναμις как внутренней энергии, однако в новозаветном контексте источник силы не природен, а теоцентричен. Наряду с ним особое значение имеет слово σημεῖον («знамение»), играющее ключевую роль в Евангелии от Иоанна (см.: Ин. 2, 11; 4, 54), где чудеса Иисуса осмысляются как указания на Его мессианскую идентичность и откровение истины, требующее веры для постижения. В отличие от δύναμις,

19 Rogerson J. Post-Enlightenment Criticism. P. 286–288.

20 См.: Хенгель М., Швемер А. М. Первоцерковь и иудеохристианство. Москва, 2023; Hengel M. Wunder und Wundererzählungen im Neuen Testament. Tübingen, 1970.

обозначающего действие, σημεῖον указывает на смысл, раскрываемый в событии, и тем самым противопоставляется магическому трюку. Третий термин — τέρας («поразительное, вызывающее трепет явление») — встречается преимущественно в Деяниях (см.: Деян. 2, 22; 4, 30) и всегда сочетается с σημεῖον («знамения и чудеса» — «σημεῖα καὶ τέρατα»), что отражает осторожное отношение христианства к слову, имевшему в Античности ассоциации с языческим суеверием и демонстрацией силы. М. Хенгель подчёркивает принципиальную разницу между христианским и языческим чудом: если в последнем чудесное выступает как автономное проявление власти человека, то в христианстве оно включено в драму откровения и выражает любовь, милосердие и спасительное действие Бога. Чудеса Иисуса — исцеления, изгнания бесов, власть над природой — не являются нарушением законов природы, но свидетельствуют о Божественной силе, действующей через сострадание и милость. В этом их подлинно христологический смысл: чудо становится откровением личности Иисуса как Мессии и Сына Божия, а термины δύναμις, σημεῖον и τέρας — ключами к богословскому пониманию новозаветного чуда как знамения Царства Божия. Основная новизна, выявленная М. Хенгелем, состоит в том, что христианское чудо не акт магии и не насилие над природой, но проявление силы Бога, действующего в любви, милости и спасении мира²¹.

3.2. Эрик Ив

Эрик Ив, британский исследователь Нового Завета и еврейского контекста служения Иисуса, предлагает историко-контекстуальный и сравнительно-литературный подход к интерпретации евангельских чудес, рассматривая их в свете межзаветной и кумранской традиции. Он выделяет несколько основных типов чудес, каждый из которых раскрывает уникальные аспекты мессианской миссии Христа.

Изгнание бесов — один из центральных мотивов евангельских повествований — имеет параллели в текстах Кумрана и апокрифической литературе: в 11QАpostrophal Psalms (11Q11) содержится заклинание от злых духов, приписываемое Давиду, что свидетельствует о распространённости экзорцистских практик. Однако, в отличие от магических формул, Иисус действует ἐξουσίᾳ, «властью», без внешних ритуальных

21 Hengel M. Wunder und Wundererzählungen im Neuen Testament. S. 12–101.

средств, что указывает на Его пророческое и мессианское достоинство (см. Мф. 12, 28).

Исцеления, напротив, строятся вокруг категории личной веры (πίστις), как необходимого условия чудесного действия (см.: Мк. 5, 34; Лк. 17, 19), чего не наблюдается в аналогичных сюжетах эпохи Второго Храма, например, в Тов. 11, где доминируют ангельские и магические элементы.

Чудо насыщения (см.: Мк. 6; Мф. 14) соотносится с ветхозаветным мотивом манны (см. Исх. 16) и одновременно предвосхищает эсхатологический пир, описанный в 1 Ен. 62–63 и 2 Вар. 29, где насыщение становится образом будущего мессианского изобилия.

Рассказ о хождении по воде и усмирении бури (см.: Мф. 14; Мк. 4, 35–41) перекликается с гимнической поэзией Кумрана (1QH), в которой Яхве изображён Властелином стихий, и тем самым утверждается божественная власть Иисуса, идентичная власти Бога-Творца.

Наибольшее богословское значение, по Э. Иву, имеет связь чудес с мессианской эсхатологией: изгнание бесов, исцеление слепых и воскресение мёртвых в Новом Завете соотносятся с ожиданиями, зафиксированными в 4Q521, где Мессия изображён как совершающий чудеса обновления и жизни. Эти древние ожидания, воспринятые и преобразованные Евангелием (см. Лк. 7, 22), обретают новое содержание: чудеса Иисуса становятся не демонстрацией силы, а откровением наступившего Царства Божия и свидетельством о Боге, действующем в истории через Своего Сына²².

Таким образом, чудеса Иисуса можно интерпретировать как теологически осмысленные действия, укоренённые в иудейской традиции, но превосходящие её рамки. Через сравнительный анализ с апокрифами, кумранскими текстами и ожиданиями эпохи Второго Храма открывается глубокое богословское измерение миссии Иисуса как Того, Кто не только творит чудо, но и являет полноту Царства Божия.

4. Яркие представители библейской критики XX–XXI вв. в подходе к евангельским чудесам

4.1. Рудольф Бультман

Р. Бультман, один из наиболее влиятельных представителей протестантской герменевтики XX в., опираясь на метод формальной критики,

22 Eve E. The Jewish Context of Jesus' Miracles. London; New York (N.Y.), 2002. P. 104–170.

разработанный на основе идей Г. Гункеля и развиваемый К. Л. Шмидтом и М. Дибелиусом, предложил новый этап в интерпретации евангельских чудес. Он выделил основные жанры евангельской традиции: апофтегмы, изречения Господа, рассказы о чудесах, повествования о конфликтах и легендарные рассказы, — показав, что каждое из них возникло в определённой жизненной ситуации раннехристианской общины. В этом контексте чудеса Иисуса Христа — исцеления, изгнания демонов, воскрешения мёртвых и власть над природой — рассматривались не как фактические свидетельства сверхъестественного вмешательства, а как богословские формы, выражающие веру Церкви в присутствие и силу Бога, явленные в личности Иисуса. В своей системе, опубликованной после войны (1948 г.), Р. Бультман проанализировал структуру «историй о чудесах», выделив три основные части: проблему, чудесное действие героя и демонстрацию его эффекта, — а также предложил классификацию четырёх типов чудес: исцеления, экзорцизмы, воскрешения и чудеса природы. В 1941 г. он предположил существование особого «источника знамений» в основе Евангелия от Иоанна — древнего доиоанновского сборника чудес, включающего семь знамений и рассказ о Страстях²³, впоследствии реконструированного Р. Фортной²⁴. Для Р. Бультмана чудесные повествования отражают мифологическое сознание древнего человека и нуждаются в демифологизации, то есть в освобождении от архаических космологических представлений при сохранении их экзистенциального содержания²⁵. Чудо, по его мысли, не может быть предметом исторического познания, но способно выражать личный опыт встречи человека с трансцендентным Богом. В книге «Раннее христианство в контексте античных религий» Р. Бультман рассматривает христианство как феномен, возникший на пересечении иудейской апокалиптики, гностицизма и мистерияльных культов, где чудо выполняет функцию символического посредника между мифом и историей²⁶. В межзаветной литературе (II в. до Р. Х. — I в. по Р. Х.) он усматривал переходную стадию: здесь чудеса (в Книге Юбилеев, 1 Еноха, «Библейских древностях») служат

23 Kloppenborg J. S. Source Criticism // Dictionary of Biblical Criticism and Interpretation / ed. S. E. Porter. London; New York (N.Y.), 2007. P. 343.

24 См.: Fortna R. T. The Gospel of Signs: A Reconstruction of the Narrative Source Underlying the Fourth Gospel. Cambridge, 1970.

25 Wischmeyer O. Twentieth Century Interpretation // Dictionary of Biblical Criticism and Interpretation / ed. S. E. Porter. London; New York (N.Y.), 2007. P. 380.

26 См.: Bultmann R. Das Urchristentum im Rahmen der antiken Religionen. Tübingen, 1949. S. 137–140.

знаками избрания, эсхатологическими предвосхищениями и средствами утверждения Закона и Завета, но уже демонстрируют тенденцию к рационализации и педагогическому переосмыслению. В отличие от апокалиптической театральности межзаветных текстов, чудо у Христа становится событием экзистенциальным, обращённым к внутреннему решению человека, вызовом вере, а не зрелищем. Отказ Иисуса дать *знамение* (Мк. 8, 11–13) Р. Бультман толкует как отказ от доказательности и призыв к личному выбору. Демифологизация, по его замыслу, не уничтожает миф, а переводит его на язык человеческого существования: чудеса Ветхого Завета и межзаветных текстов становятся символами надежды и доверия к Богу, действующему в истории.

После того как возможность действительного совершения Иисусом чудес, засвидетельствованных в новозаветных текстах, была исключена, Р. Бультман, развивая идеи Д. Ф. Штрауса, интерпретировал эти повествования как «мифы», возникавшие из стремления раннехристианской общины выразить веру в превосходство Иисуса над религиозными героями и чудотворцами окружающей культурной среды. Если Д. Штраус усматривал источники чудесных повествований преимущественно в ветхозаветной традиции, то Р. Бультман, следуя принципам школы истории религий, предположил их эллинистический фон, в особенности опираясь на образ божественного человека.

Таким образом, историко-религиозный метод Р. Бультмана позволил увидеть в чуде не нарушение природных законов, а религиозно значимое выражение веры, однако, с православной точки зрения, подобная редукция вызывает возражение: в христианском богословии чудо понимается не как символ, а как действительное проявление Божественного Промысла — личное и свободное вмешательство Бога в природный и исторический порядок.

4.2. Герд Тайсен

Герд Тайсен, один из наиболее влиятельных представителей историко-критического метода, в книге «Чудеса и притчи Иисуса» рассматривает чудеса как неотъемлемую часть проповеди Христа и как действия, раскрывающие эсхатологическое содержание Его вестей²⁷. В отличие от редукционистских и мифологических интерпретаций, Г. Тайсен подчёркивает их укоренённость в конкретном историческом

27 См.: *Theißen G. Wunder und Gleichnisse Jesu: Studien zu ihrer Bedeutung für das früheste Christentum*. Göttingen, 1987.

и социокультурном контексте Палестины I в. По его мнению, чудеса Иисуса не являются произвольными проявлениями сверхъестественной силы, но представляют собой «символические действия», в которых реализуется и утверждается Царство Божие среди народа. Исцеления, изгнания бесов и воскрешения символизируют победу Бога над хаосом, болезнью и смертью, как это видно, например, в эпизоде изгнания легиона бесов (см. Мк. 5, 1–20), где гибель нечистых духов в море означает восстановление космического и социального порядка на «пограничной» земле. Одной из ключевых функций чудес, по Г. Тайсену, является восстановление человека в сообществе: исцеление прокажённого (см. Мк. 1, 40–45) становится не только актом физического исцеления, но и знаком возвращения от изоляции к полноте жизни в общине Израиля, что придаёт чудесам социально-теологическую значимость. В отличие от античных чудотворцев и магов, Христос не прибегает к ритуалам или заклинаниям — Его власть проявляется в силе слова и жеста, свободных от оккультных формул, как в рассказе о сотнике (см. Мф. 8, 5–13), где исцеление совершается «на расстоянии». Г. Тайсен показывает, что чудеса и притчи функционируют как два взаимодополняющих языка: притчи раскрывают тайну Царства через образы и аналогии, а чудеса реализуют его действенную силу в истории. Так, чудо умножения хлебов (см. Мк. 6, 30–44) и притча о званых на пир (см. Лк. 14, 15–24) выражают одну и ту же богословскую идею — изобилие и включающую любовь Царства Божия, но в разных формах — действия и слова. Представляя умеренно-исторический подход, Г. Тайсен допускает возможность реконструкции исторического ядра чудес в свете мессианских ожиданий и апокалиптических структур еврейской традиции, подчёркивая, что чудеса Иисуса нельзя сводить к поздним легендарным наслоениям: они соотносятся с Его пророческим призванием и харизматическим служением²⁸. Подход Г. Тайсена к чудесам как к «символическим действиям» позволяет избежать крайностей демифологизации и раскрыть их внутренний смысл как проявление силы Царства Божия, преобразующей действительность — личную, социальную и космическую; таким образом, чудо предстает не как нарушение природного порядка, а как знамение новой, спасительной реальности.

Согласно же классификации Г. Тайсена и А. Мерца, повествования о чудесах в евангельской традиции делятся на шесть типов²⁹, которые

28 *Theißen G., Merz A. Der historische Jesus. Göttingen, 1996. S. 268.*

29 Согласно классификации, все евангельские повествования о чудесах делятся на шесть типов, отражающих два уровня их интерпретации — исторический (связанный с деятельностью

отражают два уровня их интерпретации — исторический и постпасхальный³⁰. К числу чудес, связанных с деятельностью исторического Иисуса, исследователи относят экзорцизмы, исцеления и обычные чудеса, тогда как к кругу повествований, возникших в контексте послепасхальной веры, принадлежат чудеса спасения, чудеса дара и прозрения. Первые группы событий, по Г. Тайсену и А. Мерцу, могут восходить к реальным действиям Иисуса, обладавшего мощным духовно-психологическим воздействием на больных и страждущих, что проявлялось в экзорцизмах и актах исцеления. Позднейшие же типы чудес — спасения и дара — интерпретируются как переработанные воспоминания об исторических эпизодах (например, плавания на лодке или кормления множества людей), которые после Пасхи были возвышены до уровня сверхъестественных событий, подчёркивающих божественный статус Христа. Такая типология позволяет избежать крайностей и натуралистического объяснения, характерного для раннего Нового времени, и рационалистической редукции XIX в. (К. Ф. Бахрдт, Г. Э. Г. Паулюс), стремившейся свести все чудеса к естественным причинам. Одновременно Г. Тайсен и А. Мерц дистанцируются от мифологического подхода, предложенного Д. Ф. Штраусом и Р. Бультманом, для которых чудеса представляют собой не исторические факты, а символические выражения керигмы: в первом случае — «мессианской идеи» всеобщего божественного начала, во втором — веры в действие Бога в личности Иисуса³¹.

Таким образом, предложенная Г. Тайсеном и А. Мерцем схема интерпретации чудес стремится сохранить баланс между историческим реализмом и богословским смыслом повествований, рассматривая

земного Иисуса) и постпасхальный (осмысленный верой общины после Воскресения). К историческому уровню относятся: 1) экзорцизмы (Exorzismen) — изгнания злых духов, в которых выражается власть Иисуса над демоническим миром; 2) терапии / исцеления (Heilungswunder) — акты исцеления телесных и психических недугов как знаки милосердия и духовного восстановления; 3) «нормативные чудеса» (Normwunder) — естественные чудеса, связанные с повседневными ситуациями (успокоение бури, насыщение множества), демонстрирующие творческую силу веры. К постпасхальному уровню относятся: 4) чудеса дара (Gabenwunder) — проявления благодатного изобилия, символизирующие божественный дар жизни (насыщение хлебами, чудесный улов); 5) избавительные чудеса (Rettungswunder) — деяния спасения и защиты, через которые Христос являет Свою власть над силами смерти (ходьба по водам, спасение тонущего Петра); 6) эпифании / богоявления (Eiphanien) — видения и откровения Воскресшего, в которых чудесное приобретает литургико-символический характер и служит утверждению веры общины.

30 Theißen G., Merz A. Der historische Jesus: Ein Lehrbuch. Göttingen, 2011. S. 265–268.

31 Stettler H. Mehr als Elia. Zum religionsgeschichtlichen Hintergrund der Wunder Jesu // Theologische Beiträge. 2020. Bd. 51. S. 169–170.

чудо не как нарушение законов природы, а как свидетельство о присутствии и действии Бога в истории.

5. Современные синтетические модели интерпретации евангельских чудес и их богословская критика

Современные исследователи, в частности В. Коллманн, склоняются к синтетическому объяснению, признающему смешение ветхозаветных и эллинистических мотивов. По его мнению, природные чудеса представляют собой «легендарные свидетельства веры раннего христианства, которые, опираясь на ветхозаветные и эллинистические традиции чудес, раскрывают исповедание распятого и воскресшего Господа»³². В качестве религиозно-культурного фона Коллманн рассматривает святилища Асклепия, представления о «божественных людях», харизматических иудейских чудотворцах, а также материалы магических папирусов. При этом он не исключает влияния ветхозаветной традиции: так, чудо претворения воды в вино (см. Ин. 2, 1–11) интерпретируется им как результат взаимного влияния культа Диониса и иудейской эсхатологической символики изобилия вина как знака грядущего спасения³³.

Однако подобная эклектическая картина оказывается как исторически маловероятной, так и богословски неудовлетворительной³⁴. Евангелисты не заимствуют ветхозаветные чудеса как прямые образцы, но используют общие мотивы и образы, придавая им новое содержание в свете откровения о Христе. Параллели между чудесами Ветхого и Нового Завета следует рассматривать не как литературные заимствования, а как исполнение мессианских пророчеств и свидетельство преемственности Божественного Домостроительства³⁵.

Согласно позиции Клауса Бергера, рассказы о чудесах Иисуса представляют собой «реально-символические» повествования, которые, будучи знаками, не сводятся к символу или аллегории, но имеют онтологическую связь с изображаемой ими реальностью. В этом смысле чудо понимается не как мифологический элемент, а как событие, в котором раскрывается действительное присутствие и сила Божия в мире³⁶.

32 Kollmann W. Neutestamentliche Wundergeschichten: Biblisch-theologische Zugänge und Impulse für die Praxis. Stuttgart, 2011. S. 102.

33 Ibid. S. 30–57, 200–210.

34 Stettler H. Mehr als Elia. S. 172.

35 Riesner R. Messias Jesus. Gießen, 2019. S. 167.

36 Berger K. Biblisches Christentum als Heilungsreligion // Heilung – Energie – Geist / hrsg. W.H. Ritter, B. Wolf. Göttingen, 2005. S. 244.

В современной научной дискуссии проводится различие между чудесами исцеления и так называемыми «чудесами природы». Если первые нередко допускаются как реальные, будь то сверхъестественные или психосоматические явления, то вторые трактуются как послепасхальное символическое усиление обыденных событий из жизни Иисуса (например, совместная трапеза или плавание в лодке). Однако такое разграничение не имеет достаточных оснований: оба типа повествований обладают едиными литературными характеристиками и концептуальным фоном, в котором Иисус представлен совершающим дела, подобные чудесам Моисея и пророков Илии и Елисея, но превосходящим их по сущности. Как Сын Божий, Христос являет Царство Божие через чудеса исцелений и утверждает господство Творца над миром в чудесах, связанных с природой.

Заключение

Развитие библейской науки XX–XXI вв. показывает, что интерпретация чуда прошла путь от натуралистической и рационалистической редукции к восстановлению его богословского смысла как свидетельства о действии Бога в истории. Историко-критическая школа, начиная с Р. Бульмана придала исследованию чудес научную системность, но при этом часто ограничивала их значение рамками мифологического или символического дискурса. Формальная и редакционная критика, напротив, выявила внутренние закономерности и жанровую структуру чудесных повествований, открыв возможность видеть в них не легендарные вставки, а богословские формы раннехристианской веры.

Во второй половине XX в. новые подходы — социально-этический, феминистский, постструктуралистский и нарративный — сместили акцент с фактичности события на его смысловую и антропологическую глубину: чудо стало рассматриваться как язык Откровения, в котором проявляется этическое, сотериологическое и экзистенциальное измерение веры. При этом умеренные представители библейской герменевтики — М. Хенгель, Э. Ив, Г. Тайсен — показали возможность синтеза критического анализа и богословского содержания, рассматривая чудо в качестве знамения (σημείον) Царства Божия, действующего в истории.

Таким образом, феномен чуда в современной библеистике утрачивает значение внешнего доказательства сверхъестественного, но сохраняет свою центральную богословскую функцию — быть знаком присутствия Бога, откровением Его милости и силы, призывом к вере

и участию в новой реальности Царства. На пересечении науки и веры, критики и богословия, чудо остаётся живым свидетельством действия Бога в истории и духовной сердцевине христианского откровения.

Свитки Мёртвого моря (Кумранские тексты)

- 1QHa** (Hodayot). — *Sukenik E. L.* The Dead Sea Scrolls of the Hebrew University / ed. N. Avigad, Y. Yadin. Jerusalem: Magnes Press, 1955. P. 37–52.
- 1QHa** (Hodayot). — *Stegemann H., Schuller E.* Qumran Cave 1 / ed. K. G. Kuhn et al. Vol. 40: 1QHodayot. Oxford: Oxford University Press, 2009. 248 p.
- 4Q521.** — *Puech É.* 4Q521. 4QMessianisme: un rituel de résurrection // Discoveries in the Judaean Desert. Vol. 25: Qumran Cave 4. XVIII: Sapiential Texts. Part 1 / ed. J. Ulrich et al. Oxford: Clarendon Press, 1998. P. 1–38. (Messianic Apocalypse — Мессианский апокалипсис).
- 11Q11 (11QPsApa).** — *Puech É.* 11QPsApa: un rituel d'exorcismes. Apocryphe de psaumes // Discoveries in the Judaean Desert. Vol. 23: Qumran Cave 11. II: 11Q2–18, 11Q20–31 / ed. F. García Martínez et al. Oxford: Clarendon Press, 1998. P. 181–205. (Apocryphal Psalms — Апокрифические псалмы).

Источники

- Bultmann R.* Die Geschichte der synoptischen Tradition. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1921.
- Bultmann R.* Neues Testament und Mythologie: das Problem der Entmythologisierung der neutestamentlichen Verkündigung // Kerygma und Mythos / hrsg. von H. W. Bartsch. Bd. 1. München: Christian Kaiser, 1948. S. 15–52.
- Dibelius M.* Die Formgeschichte des Evangeliums. Tübingen: J. C. B. Mohr, 1919.
- Gunkel H.* Die Sagen der Genesis. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1901.
- Jülicher A.* Die Gleichnisreden Jesu. Tübingen: J. C. B. Mohr, 1888–1889. Bd. 1–2.
- Schmidt K. L.* Der Rahmen der Geschichte Jesu: Literarkritische Untersuchungen zur ältesten Jesusüberlieferung. Berlin: Trowitzsch & Sohn, 1919.

Литература

- Аверинцев А. А.* Собрание сочинений / ред. Н. П. Аверинцевой, К. Б. Сигова. София-Логос. Словарь. Киев: Дух і Літера, 2006.
- Иларион (Алфеев), митр.* «Демифологизация» новозаветной науки [текст: электронный] // Православие.Ru: [сайт]. 2016. URL: <https://pravoslavie.ru/97428.htm> (дата обращения: 21.1.2026).
- Мень А. В.* Библиологический словарь. Т. 3. Москва: Фонд им. Александра Меня, 2002.
- Хенгель М., Швеймер А. М.* Первоцерковь и иудеохристианство. Москва: Изд. ББИ, 2023.
- Berger K.* Biblisches Christentum als Heilungsreligion // Heilung — Energie — Geist / hrsg. von W. H. Ritter und B. Wolf. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2005. S. 232–248.

- Blomberg C. L.* The Miracles as Parables // Gospel Perspectives. Vol. 6: The Miracles of Jesus / ed. D. Wenham, C. Blomberg. Sheffield: JSOT Press, 1986. P. 327–359.
- Bultmann R.* Das Urchristentum im Rahmen der antiken Religionen. Tübingen: J. C. B. Mohr (Paul Siebeck), 1949.
- Cotter W.* Miracles in Greco-Roman Antiquity: A Sourcebook for the Study of New Testament Miracle Stories. London; New York (N. Y.): Routledge, 1999.
- Dodd C. H.* The Parables of the Kingdom. London: Nisbet & Co. Ltd., 1935.
- Eve E.* The Jewish Context of Jesus' Miracles. London; New York (N. Y.): T&T Clark, 2002.
- Fortna R. T.* The Gospel of Signs: A Reconstruction of the Narrative Source Underlying the Fourth Gospel. Cambridge: Cambridge University Press, 1970.
- Gutiérrez G.* A Theology of Liberation: History, Politics, and Salvation. Maryknoll (N. Y.): Orbis Books, 1973.
- Hengel M.* Wunder und Wundererzählungen im Neuen Testament. Tübingen: Mohr Siebeck, 1970.
- Kloppenborg J. S.* Source Criticism // Dictionary of Biblical Criticism and Interpretation / ed. S. E. Porter. London; New York (N. Y.): Routledge, 2007. P. 340–344.
- Kollmann W.* Neutestamentliche Wundergeschichten: Biblisch-theologische Zugänge und Impulse für die Praxis. Stuttgart: Urban-Taschenbücher, 2011.
- Levinas E.* Totality and Infinity: An Essay on Exteriority. Pittsburgh (Pa.): Duquesne University Press, 1969.
- Riesner R.* Messias Jesus. Gießen: Brunnen Verlag, 2019.
- Rogerson J.* Post-Enlightenment Criticism // Dictionary of Biblical Criticism and Interpretation / ed. S. E. Porter. London; New York (N. Y.): Routledge, 2007. P. 280–287.
- Schüssler F. E.* In Memory of Her: A Feminist Theological Reconstruction of Christian Origins. New York (N. Y.): Crossroad, 1995.
- Stauffer E.* Die Theologie des Neuen Testaments. Gütersloh: C. Bertelsmann, 1941.
- Stefan P. G.* The Power of Resurrection: Foucault, Discipline, and Early Christian Resistance. Lanham (Md.); New York (N. Y.): Rowman & Littlefield, 2019.
- Stettler H.* Mehr als Elia. Zum religionsgeschichtlichen Hintergrund Wunder Jesu // Theologische Beiträge. 2020. Bd. 51. S. 165–181.
- Theißen G.* Wunder und Gleichnisse Jesu: Studien zu ihrer Bedeutung für das früheste Christentum. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1987.
- Theißen G., Merz A.* Der historische Jesus: Ein Lehrbuch. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2011.
- Wischmeyer O.* Twentieth Century Interpretation 3 // Dictionary of Biblical Criticism and Interpretation / ed. S. E. Porter. London; New York (N. Y.): Routledge, 2007. P. 377–383.